

Ся Пинву действительно заболела.

Ей казалось, будто она оказалась посреди бушующего пламени, тело полыхало от боли, а мысли, окутанные плотной пеленой тумана, никак не могли вырваться на свободу. В полубреду ей снилось множество вещей.

Ей приснилось, будто она вернулась в год, предшествующий поступлению.

Тогда, чтобы на вступительном экзамене стать бесспорно первой, она и Чуньшань были брошены Наставницей в Пещеру Льда и Огня.

Климат там был изменчивым, рельеф — сложным, из-за чего в конце Первой мировой войны это место стало опорным пунктом, захваченным дикими зверями.

Хотя обитавших там диких зверей давным-давно полностью истребили, уровень загрязнения внутри пещеры за столько лет оставался невероятно высоким.

Кроме людей со статусом Наставницы, обычные люди и близко подойти не смели.

А их двоих просто взяли и бросили туда.

При этом не подготовив абсолютно ничего.

Спустя семь дней, когда Наставница пришла за ними, её едва не встретили два бездыханных тела.

В тот раз Ся Пинву была охвачена таким сильным жаром, что лишилась едва ли не половины жизни, и именно Мин Чуньшань, взвалив её на спину, прижалась к земле в единственном освещенном месте пещеры и поила каплями воды, стекавшими по каменной стене.

Точно так же, как и сейчас.

Кто-то снова подносил к её губам стакан с водой, теплое и мягкое прикосновение помогало проглотить лекарство, а вкус этого снадобья был Ся Пинву прекрасно знаком.

Это было то самое лекарство, которое она пила в последнее время.

В последнее время.

Ах, ведь она перенеслась на десять лет вперед.

Ся Пинву с опозданием вернулась в реальность, но полудрёма не позволяла ей открыть глаза, и она машинально позвала:

— Чуньшань.

— Я здесь, — отозвался знакомый голос.

Она почувствовала, как её бережно перехватили и уложили поудобнее, словно опасаясь причинить неудобство.

Объятия были прохладными, совсем как тогда, в Пещере Льда и Огня.

И при этом невероятно успокаивающими.

Тогда Ся Пинву пробормотала:

— Ничего страшного, я просто посплю, и всё пройдет.

В следующий миг Ся Пинву почувствовала, как обнимавшие её руки на секунду сжались сильнее. Она попыталась было сказать что-то утешительное, но полудрёма вновь навалилась на неё.

Оказывается, все эти семь лет она болела.

Оказывается, Чуньшань всё это время заботилась о ней вот так.

Прежде чем её увлекло в пучину глубокого сна, она успела вымолвить лишь ещё одну фразу:

— Тебе пришлось тяжело, Чуньшань.

Проснувшись снова, Ся Пинву уже не горела в лихорадке.

Мягкое одеяло было надёжно подоткнуто со всех сторон. По привычке протянув руку, чтобы потереть виски, она попыталась приподняться.

Как раз в этот момент кто-то толкнул дверь и, сделав несколько шагов, бросился ей на помощь:

— Сестра, как ты себя чувствуешь?

За спиной быстро взбили подушки, и Ся Пинву, подняв взгляд, посмотрела на Мин Чуньшань:

— Который сейчас час?

— Полдень следующего дня, я отпросилась с работы.

Мин Чуньшань присела на краешек кровати, аккуратно заправляя постель:

— Я как раз собиралась заняться обедом, что бы тебе хотелось съесть?

Ся Пинву ничего не ответила, лишь молча и пристально всмотрелась в Мин Чуньшань.

Мин Чуньшань на мгновение растерялась, словно что-то вспомнив, и её голос стал тише:

— Я отпросилась всего на один день, это не ежегодный отпуск.

Ся Пинву покачала головой, но завела речь о другом:

— То лекарство, что ты мне давала... осталось еще?

— Я всё еще чувствую некоторую усталость, наверное, стоит выпить еще немного для закрепления результата.

Неожиданно Мин Чуньшань чуть отпрянула назад и тут же замотала головой:

— Больше пить его не нужно.

Подняв глаза, она встретилась с несколько озадаченным взглядом Ся Пинву, на секунду замолчала и принялась объяснять:

— У любого лекарства есть побочные эффекты, у меня есть опыт: с твоим состоянием тебе просто нужно еще немного отдохнуть.

Ся Пинву кивнула, а затем снова подняла глаза и продолжила смотреть на Мин Чуньшань тем же сосредоточенным взглядом.

Мин Чуньшань машинально подожала пальцы, стараясь сохранять мягкую улыбку:

— Сестра, почему ты так на меня смотришь?

Тут Ся Пинву подалась вперед и коснулась её лбом.

Лобы соприкоснулись, передавая тепло. Сердце Мин Чуньшань пропустило удар, и она только было открыла рот, как Ся Пинву уже отстранилась.

Она увидела, как Ся Пинву слегка наклонила голову, а в её голосе звучало чистейшее беспокойство:

— Но мне кажется, тебе всё-таки стоит принять лекарство. Я так сильно горела в лихорадке, а ты всё это время была со мной рядом, так ведь и заразиться недолго.

Мин Чуньшань мысленно с облегчением выдохнула и уже хотела отказаться, но Ся Пинву уже подняла руку и легко коснулась собственных губ.

Беспокойство в её словах ничуть не убавилось, казалось, она действительно думает лишь о её безопасности:

— К тому же, ты ведь, случаем, не кормила меня лекарством изо рта в рот?

Не успела Ся Пинву договорить, как Мин Чуньшань, словно ошпаренная, тут же вскочила на ноги.

Ся Пинву машинально подняла голову и, глядя на подозрительно покрасневшее лицо Мин Чуньшань, озадачилась еще больше:

— Чуньшань, что с тобой?

— У тебя даже лицо покраснело, неужели ты и правда заразилась?

Это было бы скверно, если из-за этого сорвется завтрашняя работа Чуньшань, то греха не оберешься.

Мин Чуньшань стояла на месте, не двигаясь, лишь на мгновение замерла и легко кашлянула.

Смотрите-ка, она даже кашляет.

Ся Пинву еще больше утвердилась в своем мнении и потянулась к ней:

— Видишь, ты даже кашляешь, дай-ка я снова проверю твой лоб.

— Сестра, я в порядке, — Мин Чуньшань отступила еще на шаг. — Наверное, просто вышла из кухни, угарным газом надышалась. Ты так и не сказала, что хочешь на обед?

Ся Пинву откликнулась, её внимание наконец переключилось, и она потянулась за телефоном:

— Кстати, я видела на рекламном щите, что теперь в каждой семье должны есть картофель, неужели есть еще какие-то требования...

Она не успела договорить, как экран загоревшегося телефона оказался накрыт рукой Мин Чуньшань, которая сделала шаг вперед и приблизилась к Ся Пинву:

— Всё в порядке, сестрица, я же говорила тебе раньше: тебе не нужно есть то, что тебе не нравится.

Едва стихли эти слова, как Мин Чуньшань почувствовала тяжесть в собственной руке. В следующий миг та самая рука, что только что держала телефон, легла ей на лоб.

Ся Пинву подавила готовую сорваться с губ улыбку, тщательно пощупала лоб Мин Чуньшань, потом приложила руку к собственному лбу и вынесла вердикт:

— Кажется, немного горячее, чем было у меня только что.

Этот внезапный маневр чуть было не рассмешил Мин Чуньшань.

Присев боком рядом с Ся Пинву, она тихо вздохнула:

— Сестра, я же сказала, что всё в порядке.

Ся Пинву рассеянно кивнула, похоже, наконец сообразив, что её недавний маневр с отвлечением внимания выглядел несколько по-детски.

Она опустила голову, позволив растрепанным прядям волос снова закрыть уши, и принялась возиться с рукой Мин Чуньшань, пытаясь дотянуться до экрана своего телефона:

— Я всё-таки взгляну, вдруг там есть что-то на мой вкус.

Теплая макушка послушно прижалась к её сгибу локтя. Опустив взгляд, Мин Чуньшань отчетливо видела, как Ся Пинву усердно листает ленту на экране.

Маленький пузырек с лекарством в кармане одежды неприятно упирался в тазовую кость, но Мин Чуньшань, казалось, не замечала этого. Словно поддавшись какому-то наитию, она обняла Ся Пинву за плечи и тихо произнесла:

— Сестра, можно я перееду обратно и буду спать с тобой?

Ся Пинву даже не подняла головы — она читала быстро, по диагонали, и даже начала прокручивать экран в обратную сторону:

— Разве ты не прибегаешь ко мне спать каждую ночь? С чего вдруг сегодня вздумала спросить?

— Я хочу, чтобы мне больше не нужно было спрашивать. Хочу получить разрешение спать вместе всегда.

Голос Мин Чуньшань звучал немного хрипло, но Ся Пинву, казалось, не придавала этому значения и покачала головой:

— Нельзя.

Одеяло слегка сползло, и Мин Чуньшань прижала сидевшее в её объятиях тело чуть ближе, заготовив объяснение заранее:

— Ты часто по ночам горишь в лихорадке, я очень за тебя переживаю.

Этот довод отлично подействовал на Ся Пинву. Она действительно замерла с палочкой пальца на экране и повернулась к ней:

— ...Чуньшань, я хочу тебя кое о чем спросить. Мы с тобой заключали какое-нибудь соглашение?

Заболевшая Ся Пинву казалась еще более хрупкой и утонченной. Мин Чуньшань никак не ожидала, что та повернется так внезапно, на секунду растерялась и машинально переспросила:

— Какое соглашение?

Ся Пинву выпрямилась и тяжело вздохнула с видом глубокой обреченности:

— Например, брачный договор.

Пустота, образовавшаяся в объятиях, моментально остудила её. Мин Чуньшань смутно догадывалась, к чему клонит Ся Пинву, но всё еще не смея поверить, переспросила:

— Сестра, я не расслышала.

— Семь лет назад я получила травму, и ты вышла за меня замуж, несомненно, ради удобства ухода за мной, — с полной уверенностью произнесла Ся Пинву. — Но такая односторонняя помощь длится уже семь лет, и я считаю, что это ужасно несправедливо по отношению к тебе. Поэтому между нами наверняка есть какие-то договоренности, о которых я не знаю.

По правде говоря, узнав десять лет спустя, что они с Чуньшань женаты, она была по-настоящему шокирована.

Она с детства росла в ожидании Второй мировой войны и никогда даже не думала о замужестве, тем более — о браке с Мин Чуньшань.

Даже если она получила тяжелые увечья в бою, даже если Управление Сверхспособностей вынесло вердикт о её неспособности продолжать службу — Ся Пинву ни капли не сомневалась в этом исходе.

Воспитанная Наставницей, она всегда относилась к Управлению Сверхспособностей с осторожностью. Мин Чуньшань знала, как сильно она хотела остаться в Управлении, и наверняка перепроверила этот вердикт по всем каналам.

Исходя из этого, она не могла принимать участие в боевых действиях и не имела полномочий разрабатывать стратегии.

Добавьте к этому её и без того слабеющее с каждым днем тело — разумеется, Чуньшань не подпускала её к делам Управления. Всё, вплоть до тайного обмена информацией с Жань Чжуцзюнь, выглядело абсолютно логичным.

Единственным вопросом оставалось: почему они решили пожениться?

Даже если... позже её сердце действительно дрогнуло, как при её нынешнем состоянии здоровья она могла позволить себе выйти замуж за Мин Чуньшань и стать для той тяжелым бременем?

К этому моменту Мин Чуньшань уже полностью уловила мысль Ся Пинву. Встретившись с ней взглядом, она постаралась сохранить ровное звучание голоса:

— Сестра, никаких соглашений не было. Мы любим друг друга, поэтому поженились, это совершенно нормально.

Ся Пинву с готовностью кивнула, показывая, что поняла:

— Я понимаю, о чем ты говоришь.

Затем она указала на себя и терпеливо повторила собственную мысль:

— Но я слишком хорошо себя знаю, я бы не позволила такой себе стать обузой для тебя.

Лекарственный пузырек неприятно впивался в тело, и Мин Чуньшань, инстинктивно сменив позу, уселась лицом к лицу с Ся Пинву:

— Сестра, это не называется обузой. Я люблю тебя и забочусь о тебе, это нормально.

— Но если я люблю тебя, мне тоже хочется что-то дать тебе взамен, — Ся Пинву поджала ноги и машинально убрала со лба мешавшие пряди длинных волос. — Я не могу участвовать вместе с тобой в боях, ты не позволяешь мне помогать тебе с разработкой планов, так что же я могу тебе дать?

По неизвестной причине эти слова застряли в горле Мин Чуньшань. Она тяжелым взглядом смотрела на Ся Пинву до тех пор, пока та не начала сомневаться, не сказала ли чего лишнего, и лишь тогда снова заговорила:

— Сестра, мне не нужно от тебя ничего. Я лишь хочу, чтобы ты полагалась на меня, и уже от этого буду счастлива.

Ход беседы полностью отклонился от ожиданий Ся Пинву. Издав удивленный возглас, она протянула руку и ухватила Мин Чуньшань за запястье:

— Чуньшань, всё совсем не так. Твои мысли — это твои мысли, но мои собственные соображения тоже важны. Я знаю одно: если я согласилась выйти за тебя замуж, то определенно тоже хотела чем-то пожертвовать ради тебя.

Не тайное составление планов, а реальные жертвы ради поддержания их нынешней связи.

— Хорошо, если тебе обязательно нужно знать, что именно ты мне даешь, я скажу. Ты даешь мне любовь, — Мин Чуньшань крепко сжала руку Ся Пинву, её лицо было суровым и серьезным. — Сестра, раз ты задаешь такие вопросы сейчас, значит, ты еще не любишь меня так сильно, как будешь любить через десять лет.

А?

Этот ответ буквально вогнал Ся Пинву в ступор. Быстро прокрутив в голове мысли, она попыталась возразить:

— Нет, я и сейчас смотрю на вещи с твоей точки зрения, переживаю, как это отразится на твоём развитии, я ведь забочусь о тебе.

Мин Чуньшань кивнула:

— Да, ты заботишься обо мне, но между этим и любовью всё же есть разница.

Выражение лица Мин Чуньшань оставалось торжественным, после чего она незаметно притянула Ся Пинву ближе к себе и снова обняла за плечи:

— Например, видишь ли, моя любовь выражается в желании прижиматься к тебе. Спустя десять лет, даже если бы не было никакого наказания, я всё равно хотела бы спать с тобой в одной постели.

Тело Ся Пинву перекосило, и она завалилась прямо в сгиб локтя Мин Чуньшань, однако её мозг работал на предельной скорости: проигнорировав неудобство, она сама устроилась поудобнее.

И в то же самое мгновение она наотмашь вцепилась в рукав Мин Чуньшань, заявив с железобетонной логикой:

— Нет, но ведь с тех пор, как я здесь оказалась, ты превосходно себя контролируешь и вовсе не рвешься ко мне прижиматься. Следуя твоей логике, либо ты недостаточно лю... сильно меня любишь, либо твоя собственная теория в корне ошибочна.

— Глупости.

Находившийся в её объятиях человек слишком отчаянно рвался на свободу, и Мин Чуньшань пришлось протянуть руку, ухватить её за подбородок и заставить Ся Пинву смотреть прямо себе в глаза:

— Я просто знала, что ты любишь меня недостаточно сильно, боялась тебя напугать, поэтому и не проявляла инициативу.

Логический круг, казалось, замкнулся.

Но Ся Пинву всё равно чувствовала, что здесь что-то не так.

Она не была таким человеком.

Она бы ни за что и ни при каких обстоятельствах не стала добровольно есть нелюбимый картофель и мириться со всякими глупыми сплетнями.

Абсолютно исключено.

— Сестра.

Мысли Ся Пинву резко оборвал этот зов.

Она почувствовала, как пальцы, сжимавшие ее подбородок, медленно скользнули в стороны, превращаясь в ладони, нежно поддерживающие ее щеки.

Сидящая напротив женщина внимательно вглядывалась в ее глаза, а ее голос звучал колдовски чарующе:

— Вот например сейчас... на самом деле я очень хочу тебя поцеловать.

Они сидели невероятно близко друг к другу. Ся Пинву видела, как взгляд Мин Чуньшань, похожий на весенние воды, светился небывалой серьезностью, а пальцы, поддерживающие ее подбородок, казалось, источали обжигающий жар.

В этот миг Ся Пинву ни на секунду не усомнилась в правдивости слов Мин Чуньшань.

<http://bllate.org/book/20886/2111652>